

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

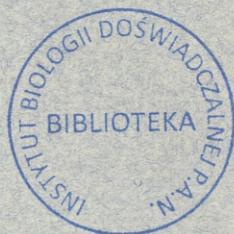
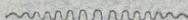
и

ИДЕАЛИЗМЪ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи
Императорскаго Варшавскаго Университета 30 Августа 1904 года
орд. проф.

П. Я. МИТРОФАНОВЫМЪ.

Z KSIĘGOZBIORU
Dra WACŁAWA ROSZKOWSKIEGO

ВАРШАВА.

Въ Типографіи Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1904.

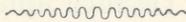
ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

и

ИДЕАЛИЗМЪ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи
Императорскаго Варшавскаго Университета 30 Августа 1904 года
орл. проф.

П. И. Митрофановымъ.

Z KSIĘGOZBIORU
Dra WACŁAWA ROSZKOWSKIEGO

ВАРШАВА.

Въ Типографіи Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское Преддѣлье, № 3.

1904.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

И. д. Ректора проф. *И. А. Зилловъ.*

Естествознаніе и идеализмъ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи Императорскаго Варшавскаго
Университета 30 Августа 1904 года ординарнымъ профессоромъ,

П. И. МИТРОФАНОВЫМЪ.

Въ послѣдніе годы становится очевиднымъ, что вопросы духовной жизни опять настойчиво выдвигаются впередъ. Ослабѣвшій подъ вліяніемъ позитивизма интересъ къ философскому познанію пробуждается вновь подъ вліяніемъ запросовъ жизни, потребности нравственнаго идеала.

Не уклонилось отъ общаго движенія и естествознаніе, которое еще такъ недавно являлось исключительно выразителемъ матеріалистическаго міровоззрѣнія. Увлеченное успѣхами своего поразительно быстрого и богатаго развитія во второй половинѣ только что минувшаго столѣтія, оно противопоставлялось другимъ наукамъ, пыталось навязать имъ свои методы, занять господствующее положеніе въ роду человѣческихъ знаній, вытѣснить изъ ума потребность отвлеченнаго мышленія и изъ сердца потребность вѣры въ всемогущество и премудрую благодѣтельность Творца.

И вотъ, какразъ на рубежѣ новаго столѣтія оно должно было признать несостоятельность своихъ надеждъ, преждевременно формулировавшихся въ столь смѣлой формѣ, и сдѣ-

латъ попытку удержать новыя поколѣнія отъ односторонняго увлеченія.

Дюбуа-Реймонъ, который 1848 году далъ такіе блестящія доводы противъ жизненной силы, уже въ 1872 году предостерегаетъ ученый міръ своимъ „Ignorabimus”, ибо границы къ познанію природы опредѣлены, съ одной стороны, нашей неспособностью понять сущность матеріи и силы, а съ другой, — невозможностію вывести актъ сознанія, духовныя явленія, изъ матеріальныхъ условій, объяснить ихъ механически.

Но это предостереженіе явилось въ то время, когда естествознаніе только что пришло въ сознаніе своего положительнаго успѣха, когда каждый день новыя научныя пріобрѣтенія оправдывали этотъ успѣхъ, порождая надежду на неограниченное дальнѣйшее развитіе, и научный міръ остался глухъ къ нему. Бьющее на эффектъ выраженіе повторялось, но часто съ ироніей и недовѣріемъ, такъ какъ въ основѣ вывода его лежали чисто метафизическія соображенія, а этого уже было достаточно, чтобы дискредитировать его въ мнѣніи натуралиста во всеоружіи его положительнаго знанія. Съ другой стороны, вдохновенная пропаганда эволюціонизма изъ устъ Геккеля, имѣвшая особый успѣхъ у молодыхъ поколѣній натуралистовъ, заставляла ученый міръ, въ погонѣ за частными задачами, забывать навремя „роковые вопросы”. И только когда матеріала накопилось много, когда дальнѣйшее пріобрѣтеніе его пошло уже по протореннымъ путямъ, когда наступила очередь подсчета сдѣланныхъ усилій, вопросы эти вновь выступили на сцену, и въ видѣ реакціи опредѣлилось критическое отношеніе, какъ къ основнымъ руководящимъ гипотезамъ, такъ и къ правоспособности господствующаго въ естествознаніи направленія вести къ правильному рѣшенію основныхъ проблемъ человѣчества.

Ближе всего къ рѣшенію этихъ вопросовъ съ антропоцентрической точки зрѣнія стоитъ наука о живыхъ существахъ, въ основу изученія которыхъ за послѣднія десятилѣ-

тія была положена гипотеза послѣдовательнаго происхожденія живыхъ формъ, сложныхъ изъ болѣе простыхъ, такъ называемая эволюціонная теорія, чаще извѣстная подъ названіемъ дарвинизма, названная такъ по имени великаго человѣка, изъ трудовъ котораго она родилась и пышно развилась.

Для цѣлаго ряда научныхъ поколѣній теорія эта имѣла характеръ непреложной догмы, и въ настоящее время, когда большинству біологовъ творенія Дарвина извѣстны болѣе по наслышкѣ, среди ихъ найдется немного такихъ, кто бы не призналъ себя дарвинистомъ. Ученіе Дарвина встрѣтило возраженія и съ самаго начала своего появленія, притомъ со стороны авторитетныхъ представителей науки, но эти возраженія скоро были забыты, и лишь въ послѣдніе года вновь раздаются голоса противъ него, и все громче и рѣшительнѣе.

Реакція родилась главнымъ образомъ на почвѣ не полной (а не возможной только) доказанности основныхъ положеній дарвинизма, а также и какъ направленіе, противопоставляющееся тому научному увлеченію, которое склонно было забывать, что дарвинизмъ не болѣе, какъ только гипотеза, а далеко не установленная истина.

Время для научной оцѣнки антидарвинистическаго направленія еще не наступило; однихъ отрицательныхъ положеній, конечно, не достаточно, а попытки нарушить стройность и законченность этой гипотезы, замѣнить её другой, болѣе съ научной точки зрѣнія состоятельной, — не могутъ еще считаться съ какой либо стороны увѣнчавшимися успѣхомъ. Но для насъ знаменательно это реакціонное направленіе въ другомъ отношеніи: оно совпадаетъ съ переоцѣнкой болѣе крупныхъ направленій, чѣмъ гипотеза одной изъ отраслей знанія.

Эволюціонная теорія въ отношеніи къ органическому міру является лишь частичнымъ приложеніемъ и въ то же время одной изъ лучшихъ иллюстрацій общей идеи мірозданія, происхожденія во всей сложности извѣстнаго намъ строя

природы изъ простыхъ элементовъ, которые сами по себѣ, можетъ быть, представляютъ только послѣдовательныя измѣненія одного основнаго вещества, управляемаго различными энергіями, которыя въ свою очередь являются родственными между собой,—однимъ словомъ сведенія всего существующаго въ концѣ концовъ къ видоизмѣненіямъ и комбинаціямъ матеріи и силы. Естествознание въ различныхъ областяхъ своихъ сдѣлало въ послѣдніе полвѣка поразительные успѣхи въ смыслѣ оправданія этой идеи путемъ рѣшенія отдѣльныхъ задачъ и дало широкія основанія для развитія механическаго міропониманія.

Для убѣжденнаго представителя этого міровоззрѣнія существуетъ только одна конечная проблема, одна міровая загадка, это проблема матеріи.

Согласно основному, всеобъемлющему и научно доказанному закону сохраненія вещества она вѣчна и вездѣсуща. Находясь въ вѣчномъ движеніи, будучи съ энергіей нераздѣльна, подвергаясь безконечнымъ и непрерывнымъ превращеніямъ, согласно закону сохраненія энергіи, она несетъ въ себѣ основанія всеобщаго закона развитія. Эти основные выводы опредѣляютъ единство природы и вѣчную непреложность ея законовъ. Таковы основы реального монизма въ противопоставленіе идеальному дуализму, неоспоримо признающему въ природѣ духовное начало независимо отъ матеріальнаго.

И несмотря на то что эти основы выяснились благодаря успѣхамъ естествознанія, именно среди авторитетныхъ представителей тѣхъ наукъ, которыя болѣе всего имѣютъ дѣло съ непосредственнымъ приложеніемъ основныхъ законовъ природы, твердо раздались голоса противъ односторонняго увлеченія механическимъ міропониманіемъ.

Помимо невозможности понять матерію и силу, что навсегда полагаетъ предѣлъ конечному познанію неорганическаго міра, роковымъ вопросомъ и теперь является возникновеніе перваго ощущенія, т. е. объясненіе того руководящаго психическаго начала, которое связано съ появле-

ніемъ жизни, съ ея цѣлесообразнымъ и свободнымъ развитіемъ, которое въ высшей степени проявляется въ мыслительной способности и языкѣ челоуѣка. Положеніе механистовъ, по которому въ живомъ существѣ нѣтъ другихъ дѣйствующихъ факторовъ, кромѣ силъ и веществъ неорганической природы, съ этой точки зрѣнія можетъ быть оспариваемо, такъ какъ наши чувства въ своихъ воспріятіяхъ ограничены узкимъ кругомъ матеріальныхъ явленій, которыя не въ состояніи дать объясненія жизненнымъ процессамъ, въ самыхъ простыхъ изъ которыхъ, помимо физико-химическихъ условій, всегда имѣется активное участіе со стороны самаго организма или части его. Эта активность есть неотъемлемое свойство того основнаго вещества, живой матеріи, такъ называемой протоплазмы, изъ которой или при участіи которой построены всѣ составные элементы всѣхъ живыхъ существъ; она является выраженіемъ психическихъ процессовъ, совершающихся на низшихъ ступеняхъ органическаго синтеза.

Но если наши органы чувствъ непригодны для наблюденія психическихъ процессовъ, то для него можетъ быть примѣнено самонаблюденіе, наблюденіе за состояніемъ и перемѣнами собственнаго сознанія, откуда и почерпнуто понятіе объ активности, которое такимъ образомъ находится внѣ механическаго воззрѣнія на природу. Есть, слѣдовательно, въ основѣ жизни нѣчто невытекающее изъ явленій и содержанія неорганической природы. У прежнихъ виталистовъ это была особая жизненная сила, которая, направляя дѣятельность живыхъ существъ, не имѣла ничего общаго съ физико-химическими факторами мертвой природы. Истекшее столѣтіе во многомъ ослабило этотъ аргументъ и, если теперь виталистическія воззрѣнія снова явились на сцену, то уже на иныхъ основаніяхъ, почему это направленіе и отмѣчается теперь подъ именемъ неовитализма.

Отдѣльныя воззрѣнія въ этомъ направленіи настолько все таки различны, что трудно ихъ разсматривать въ совокупности, и выше приведенный терминъ опредѣляетъ скорѣе

направленіе не столько по внутреннему содержанию, сколько по времени его появления. Вотъ почему, можетъ быть и нѣтъ достаточнаго основанія противопоставлять неовитализмъ старому витализму. Общаго между ними не меньше, чѣмъ между отдѣльными воззрѣніями неовиталистовъ, а основное различіе легко устраняется поправкой, сдѣланной успѣхами науки за періодъ раздѣляющаго ихъ времени.

Наименѣе протестующихъ противъ материалистическаго направленія является такъ называемый механическій витализмъ, который допускаетъ, что жизненные процессы въ основѣ зиждутся на физическихъ и химическихъ факторахъ, но что послѣдніе комбинируются здѣсь въ своеобразный, неизслѣдованный еще комплексъ, характеризующій только въ живыхъ организмахъ совершающіяся явленія. Этотъ комплексъ и есть жизненная сила, противопоставляемая силамъ неорганической природы. Съ старыхъ витализмомъ это направленіе связуетъ нѣкоторая доля сомнѣнія, удастся ли когда нибудь этотъ проблематическій комплексъ жизненной силы распутать, разложить его на факторы неорганической жизни.

У насъ представителями его можно признать Коржинскаго и Бородина.

Первый изъ нихъ объясняетъ существенныя проявленія жизни, активность и развитіе, чуждыя неорганической природѣ, особой, условно имъ названной *жизненной энергіей*, которая однакоже не составляетъ исключенія изъ закона сохранения энергіи. Механическая теорія, по его мнѣнію, далеко не объясняетъ всѣхъ жизненныхъ явленій...

Бородинъ не считаетъ „хоть сколько нибудь доказаннымъ существованіе въ живыхъ тѣлахъ особаго жизненнаго начала, не выводимаго изъ извѣстныхъ намъ въ мертвой природѣ формъ энергіи“, но для котораго, съ другой стороны, не является истинной, „что организмъ есть механизмъ, а жизнь — физико-химическое явленіе, разыгрывающееся въ протоплазмѣ“. Для него достовѣрно только, „что живыя тѣла подчинены дѣйствию механическихъ силъ мертвой природы; но жизнь остается для насъ величайшей изъ тайнъ“.

Представителемъ психическаго витализма является прежде всего Бунге, возрѣнія котораго выше взяты были въ основу опредѣленія неовитализма. Становясь на виталистическую точку зрѣнія, онъ переходитъ въ чисто метафизическую область теоріи познанія и совершенно отвергаетъ возможность исключительно механическаго объясненія жизненныхъ явленій. Его представленіе объ активности, въ которой заключается тайна организма, и которую мы познаемъ внутреннимъ чувствомъ, какъ выясняетъ Бючли, очень приближается съ ученіемъ Шопенгауэра о волѣ, съ тѣмъ ограниченіемъ однако же, что эта активность присуща только органическому міру, а не лежитъ, какъ воля, въ основѣ всѣхъ явленій. Сущность витализма заключается по Бунге въ томъ, что онъ избираетъ единственно вѣрный путь познанія, исходя изъ извѣстнаго (?), изъ внутреннего міра, чтобы объяснить неизвѣстное, внѣшній міръ. Обратнымъ и ошибочнымъ путемъ (отъ неизвѣстнаго, внѣшняго міра, чтобы объяснить извѣстное, внутренний міръ), опираясь на свою матеріалистическую основу, идетъ механизмъ.

Къ этому возрѣнію, но съ существенными ограниченіями механическо-монистическаго характера, присоединяется Ферворнъ. Съ одной стороны, по его мнѣнію, твердо установлено, что для физиологіи никогда не потребуется иного принципа объясненія тѣлесныхъ явленій жизни, чѣмъ для физики и химіи относительно безжизненной природы. „Принятіе особенной жизненной силы во всякомъ видѣ не только совершенно излишне, но даже недопустимо”. Но съ другой стороны, вдаваясь, подобно Бунге, въ область метафизическихъ разсужденій, приходитъ къ выводу, что то, что кажется намъ вещественнымъ міромъ, въ дѣйствительности только наше представленіе, наша собственная душа ¹⁾.

¹⁾ Ферворнъ употребляетъ терминъ Psyche; по русски это переводилось обыкновенно словомъ психика, которое скорѣе опредѣляетъ объемъ понятія, а не содержаніе его, что нужно имѣть въ виду въ данномъ случаѣ; вотъ почему въ моемъ переводѣ Psyche — душа, конечно безъ дуалистическаго освѣщенія.

Все, воспринимаемое моими органами чувствъ, въ дѣйствительности не есть что либо существующее внѣ меня, но только „рядъ ощущенийъ въ моей душѣ. Моя собственная индивидуальность — только представленіе моей души”, такъ что нельзя сказать: міръ — мое представленіе, а только такъ: „міръ есть одно представленіе или сумма представленийъ, а что мнѣ кажется моей индивидуальностію, есть только часть этого комплекса представленийъ, равно какъ индивидуальность другихъ людей и весь вещественный міръ”.

Такое міровоззрѣніе даетъ основаніе считать Фервора представителемъ субъективнаго идеализма Беркли; тѣмъ болѣе оригинальнымъ является его стремленіе сочетать свое идеалистическое представленіе съ реально-монистическимъ направленіемъ, которое такъ ясно обнаружено Ферворномъ, въ его специальныхъ изслѣдованіяхъ. Эту попытку представляетъ его психомонизмъ, обоснованный слѣдующимъ образомъ.

Задача объяснить психическіе процессы матеріальными поставлена неправильно; она подобна задачамъ квадратуры круга и *perpetuum mobile*; для правильнаго рѣшенія она должна быть формулирована въ обратномъ смыслѣ. Нужно начать съ изученія души, опредѣлить психическіе элементы, найти законы ихъ сочетаній, и затѣмъ свести на нихъ матеріальныя явленія, которыя вѣдь только представленія души. Существуетъ только одинъ міръ, какъ бы его не назвали: природой, душой, реальностію и т. п., а потому существуетъ только одинъ способъ познанія... Но цѣль теоретическаго познанія заключается не въ познаніи только мертвой или живой природы, или тѣхъ или другихъ психическихъ явленій; она заключается въ концѣ концовъ въ познаніи міра. Успѣхъ этого познанія будетъ зависѣть отъ планомѣрнаго сочетанія философіи и науки, отъ мыслящаго изслѣдованія. Существеннымъ въ этомъ сочетаніи должна быть монистическая точка зрѣнія: міръ нѣчто единое, въ которомъ вещественное и духовное начало не раздѣлимы. Вещественный міръ есть часть души,

и его законы тождественны съ законами психическихъ явленій.

Чисто реально-монистическое направленіе Ферворна, конечно, не допускаетъ ничего общаго между нимъ и виталистами, но признаніе за душой элементовъ внѣ вещественнаго міра, ставятъ его подъ сомнѣніе, несмотря на неоднократное отреченіе отъ дуализма. Не лишне также имѣть въ виду, что то же метафизическое настроеніе, которое такъ горячо раздѣляетъ Ферворнъ, привело Бунге къ виталистическимъ взглядамъ. Трудно при этихъ условіяхъ признать за психомонизмомъ достаточную обоснованность, послѣдовательность и законченность.

Одно положеніе съ особенной яркостію выступаетъ у Ферворна; это преобладающая роль психологіи среди человѣческихъ знаній.

Болѣе опредѣленно выражается принадлежность къ неовиталистическому (въ противоположность чисто механическому) направленію у Фаминцына въ слѣдующемъ его положеніи: „Я вполне сочувствую мысли, что одни и тѣ же законы управляютъ какъ явленіями мертвой природы, такъ и явленіями жизненными, но не могу согласиться, чтобы сводимые на движеніе атомовъ законы физики и химіи, представляющіе намъ лишь внѣшнюю сторону явленій мертвой природы, могли бы исчерпывать собой явленія жизни полностью, т. е. не только со стороны внѣшняго ея проявленія, но и хорошо знакомую намъ по непосредственному ощущенію ея внутреннюю—психическую сторону”.

Область психическихъ явленій, психика, составляетъ предметъ вѣдѣнія логики, психологіи и теоріи познанія, которыя „составляютъ категорію основныхъ наукъ; все же остальные ничто иное, какъ частные случаи упражненія нашей психики въ пріобрѣтеніи знаній”. Эти соображенія подкрѣпляютъ мысль, что исходной точкой любой отрасли знанія долженъ быть признанъ человекъ, или вѣриѣ. его психика и средства наши къ пріобрѣтенію знаній. Въ этомъ от-

ношеніи Фаминцинъ становится на одну точку зрѣнія вмѣстѣ съ Бунге и Ферворномъ.

Свое отношеніе къ витализму онъ опредѣляетъ вполне отрицательно, не соглашаясь съ виталистами, „что въ живыхъ тѣлахъ присутствуетъ особенная сила, неприсущая тѣламъ природы неживой”. „Представляющееся намъ различіе между явленіями жизни и мертвой природы коренится не столько въ различіи этихъ двухъ категорій явленій, сколько въ способахъ, которыми мы ихъ познаемъ, такъ какъ явленія нашей жизни доступны нашему розысканію какъ съ внѣшней, такъ и внутренней стороны; между тѣмъ какъ явленія неживой природы—со стороны лишь внѣшней”. Психика по Фаминцину составляетъ достояніе всѣхъ живыхъ существъ, и у человѣка въ высшей степени развитія является только результатомъ эволюціи изъ психики простѣйшихъ организмовъ. Изученіе психики, какъ главнаго жизненнаго фактора, является естественнымъ путемъ для рѣшенія вопроса о жизни.

Неудовлетворительность чисто механическаго объясненія въ многихъ случаяхъ жизненныхъ проявленій ощущалась весьма многими изслѣдователями, при чемъ чаще неудовлетворительность эта разсматривалась, какъ временное затрудненіе, истекающее изъ неполноты и несовершенства нашего современнаго знанія. И въ такихъ случаяхъ временно для объясненія извѣстной категоріи явленій допускался факторъ, составъ котораго изъ физико-химическихъ условій конечно былъ неизвѣстенъ, но допускался возможнымъ; такіе факторы естественно не должны быть разсматриваемы, какъ особія начала, присущія только явленіемъ жизни, а въ неживой природѣ не имѣющія приложенія. Къ такимъ факторамъ можно отнести жизненную энергію Коржинскаго,—напряженіе, которое я пятнадцать лѣтъ назадъ въ моей первой актовѣ рѣчи ввелъ, какъ факторъ для вывода явленій наследственности изъ регенеративной способности организмовъ.

Къ такимъ факторамъ относится „проспективная потенція” Дриша, допускаемая имъ для объясненія проблемы

локалізаціи, охватывающей законъ развитія и регенераціи живыхъ формъ. Сюда же собственно должны быть отнесены и разнаго рода „тропизмы” или „таксисы”, т. е. такого рода специфическія свойства живыхъ тѣлъ, которыя обнаруживаются подъ вліяніемъ извѣстныхъ факторовъ: свѣта, силы тяжести, электрическаго тока, химическихъ реагентовъ и т. п. (гелиотропизмъ, геотропизмъ, гальванотаксисъ, хемотаксисъ и т. д.).

Если относительно послѣдней категоріи свойствъ и нѣтъ еще полнаго признанія за ними выраженія законовъ неорганической природы, то надежда на сведеніе ихъ къ физико-химическимъ законамъ обыкновенно не оспаривается. Но среди сложныхъ процессовъ органическаго развитія, есть такіе, какъ опредѣляетъ Дришъ, которые не подчиняются законотѣрности міра неорганическаго, но представляютъ особый рядъ элементарной законотѣрности живыхъ тѣлъ. Въ этомъ, по его мнѣнію, и заключается право витализма на существованіе его понятія: процессы въ живыхъ тѣлахъ и жизненные процессы, не покрываютъ другъ друга. Теорія познанія въ этой новой редакціи неовитализма должна сыграть существенную роль; нужно подробное изслѣдованіе отношенія нашего жизненнаго агента къ понятіямъ: причинность, энергія, матерія и многимъ другимъ...

Приведенные примѣры неовиталистическихъ воззрѣній далеко не исчерпываютъ всѣхъ проявленій антимеханическаго направленія; но они ясно очерчиваютъ недостаточную опредѣленность и разнообразіе настроеній, изъ которыхъ оно складывается. Неовитализмъ не представляетъ законченной доктрины, и единственнымъ его положеніемъ, которое въ такой же степени способно поддерживать и старыи витализмъ, является *убѣжденіе*, что жизнь въ ея проявленіяхъ не можетъ быть понята, вполнѣ или отчасти, безъ допущенія особой законности явленій, свойственной только органическому міру

и совершенно отсутствующей въ неорганической природѣ, — особаго принципа, или особой силы, какъ бы это своеобразно нѣчто ни было названо (Бючли).

Отсюда противупоставленіе витализма механизму. Механисту кажется возможнымъ, если не теперь, то когда нибудь свести „измѣненія тѣлеснаго міра на движенія атомовъ, которыя управляются ихъ центральными независимыми отъ времени силами, иначе — разложить явленіе природы на механику атомовъ” (Дюбуа-Реймонъ). Виталистъ же говоритъ: „Это до сихъ поръ никому не удалось” (Вольфъ), и существенныя проявленія жизни: ея активное начало, ея цѣлесообразность, способность развитія, ея психическій элементъ, съ механической точки зрѣнія остаются необъяснимыми. Такимъ образомъ основнымъ аргументомъ виталистическихъ воззрѣній противъ механическаго толкованія природы есть отрицаніе успѣшности приложенія этого послѣдняго.

Неуспѣхъ механизма обусловливается тѣмъ, по мнѣнію однихъ, что онъ для жизненныхъ процессовъ допускаетъ только законмѣрность неорганической природы. И вотъ Дришъ стремится доказать въ органическомъ развитіи новый особый родъ элементарной законмѣрности, для которой принципиально невозможно представить себѣ машинообразное устройство, — показать на живыхъ тѣлахъ грушу особенныхъ лишь имъ однимъ свойственныхъ явленій, иначе дать не отрицательное только но и положительное доказательство правоспособности витализма.

Это конечно шагъ впередъ въ этомъ направленіи, но объ успѣхѣ его говорить еще преждевременно.

Чрезвычайно характернымъ обстоятельствомъ является у неовиталистовъ стремленіе сочетать съ положительнымъ знаніемъ метафизическіе элементы. Потребность въ этихъ элементахъ понятна: если механическое объясненіе жизненныхъ процессовъ, въ особенности же психическихъ, недостаточно, то это потому, что средства познанія виѣшняго міра, органы чувствъ, у насъ несовершенны и совѣмъ непригодны для изученія внутренняго міра психическихъ явленій. Какія же

имѣются средства для этого послѣдняго? — Самонаблюденіе, а отсюда и положеніе, что и внѣшній міръ долженъ быть изучаемъ не отъ простаго къ сложному, а обратно, и проблема жизни должна быть рѣшена на основаніи изученія ея высшаго проявленія, нашей психической дѣятельности. Такъ можетъ быть объясненъ непосредственный интересъ, который проявился теперь у многихъ натуралистовъ, къ такимъ чисто отвлеченнымъ вопросамъ, какъ границы познанія, реальность міра, свобода воли и т. д.

Кто можетъ возразить что-либо противъ потребности интересоваться этими основными и вѣчными запросами человеческого разума? Но другое дѣло, насколько плодотворно скороспѣлое сочетаніе метафизическихъ элементовъ съ задачами положительной науки.

Лучшимъ отвѣтомъ на это служитъ примѣръ Ферворна: его психомонизмъ представляетъ пока для мыслящаго изслѣдованія совершенно неприступную задачу. Правъ онъ въ одномъ, а именно въ томъ, что успѣхъ познанія будетъ зависеть отъ планомѣрнаго сочетанія философіи и науки, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы наука шла впередъ метафизическими путями, и чтобы философія ограничила свое развитіе приложеніемъ выводовъ, добытыхъ сравнительно грубыми средствами современнаго положительнаго знанія.

Оригинальное положеніе въ данномъ вопросѣ занимаетъ Фаминцынъ: онъ признаетъ реальность внѣшняго міра; духъ и матерія не представляютъ для него отдѣльныхъ сущностей; психика лежитъ въ основѣ жизни на всѣхъ ступеняхъ ея проявленія; въ живыхъ тѣлахъ нѣтъ особенной силы, не при-сущей тѣламъ природы не живой. Но — психика познается съ внутренней стороны, жизнь въ цѣломъ — и съ внѣшней, и съ внутренней; неживая природа только съ внѣшней стороны. Слѣдовательно средства ея познанія недостаточны, и внутреннее познаніе можетъ быть открыть въ психикѣ элементы, чуждыя явленіямъ неорганической природы? Есть ли на это надежда, авторъ намъ не говоритъ, и въ этомъ его слабая связь съ неовиталистами. „Не въ естествознаніи, а въ психо-

логіи и теоріи познанія слѣдуетъ искать настоящаго устоя для построенія міровоззрѣнія“. Вотъ основной выводъ, который признаетъ недостаточность положительнаго знанія.

Признаніе за психологіей первенствующаго значенія среди другихъ наукъ въ отмѣченныхъ нами случаяхъ является пока платоническимъ, такъ какъ нигдѣ собственно не указано какими средствами психологія можетъ оправдать свою первенствующую и руководящую роль. По поводу ясно выраженнаго монистическаго настроенія Фаминцына, Огневъ указываетъ на путаницу, которая истекаетъ изъ отождествленія психическихъ явленій и механическихъ силъ, и которая въ сущности упраздняетъ споръ между витализмомъ и механизмомъ. Преобладающая роль психологіи въ такомъ случаѣ не имѣетъ оправданія, такъ какъ безразлично, съ какой стороны изучается сущность, отождествляющая матерію и духъ. „Разъ механическое изученіе намъ доступнѣе то зачѣмъ заботиться о психологическомъ? Съ какого бы конца мы не начали, мы все равно одновременно должны изучать и психику, и матеріальный субстратъ, отъ одного переходить къ другому“. „Такимъ образомъ уступка механическому міровоззрѣнію въ пониманіи сущностей матеріи и духа ведетъ къ заключенію, что самъ неовитализмъ является излишнимъ, а притязанія ея объяснить жизненныя явленія скорѣе запутывающими дѣло, чѣмъ что либо разъясняющими“.

Выше уже указано было, насколько разнообразны настроенія неовиталистовъ, и какъ трудно согласовать ихъ не только между собой, но даже въ отдѣльности привести къ законченной системѣ. Въ наукѣ больше чѣмъ гдѣ либо цѣнны ясность и опредѣленность положенія, поэтому основателенъ взглядъ, что въ толкованіи природы нужно или твердо и последовательно держаться монистическаго воззрѣнія, или признать духъ и матерію раздѣльно. Дѣло упростится уже съ той стороны, что вмѣсто неопредѣленнаго неовитализма придется считаться съ болѣе ясно формулирующимся витализмомъ, какъ это и дѣлаетъ Бючли, разбирая его съ точки зрѣнія механизма.

Неспособность механическаго міропониманія объяснить жизнь не является доказанной со стороны витализма. Витализмъ старый и новый, подымая неразрѣшенныя міровыя загадки, подвергаютъ сомнѣнію возможность рѣшить ихъ механически, но понять организмъ они насъ не учатъ. Мы можемъ понять изъ жизненныхъ явленій только то, что объясняется физическохимически.

Таковъ выводъ, Бючли, который, стоя на почвѣ механическаго возрѣнія, не остался все таки внѣ влияния неовиталистическаго настроенія. Такъ, его механизмъ не держится мнѣнія, что бы психическое могло быть понято изъ физическаго; это въ сущности та же точка зрѣнія, что у Фаминцина. Только послѣ этого становится понятнымъ заключеніе Бючли, что витализмъ и механизмъ познаются по ихъ плодамъ. И такъ, на основаніи выше сказаннаго, неовитализмъ можно опредѣлить, какъ отдѣльныя попытки компромисса двухъ направленій, по существу непримиримыхъ. Отсюда ясно опредѣляется его роль въ наукѣ; вопросы, затронутые имъ переносятся на метафизическую арену борьбы двухъ философскихъ направленій, идеальнаго дуализма и реального монизма, которыя идутъ различными путями.

Дуализмъ отдастъ въ вѣдѣніе положительной науки матеріальный міръ, т. е. эмпирическое познаніе механическихъ процессовъ, а міръ духовный ставитъ какъ самостоятельную область, гдѣ законы міра матеріальнаго не имѣютъ приложенія, гдѣ средствомъ познанія является откровеніе, или какъ иногда опредѣляютъ неовиталисты: внутреннее чувство, самонаблюденіе и т. п.

Монизмъ, который въ ученіи Спинозы объединяетъ понятія матеріи, какъ безконечной протяженной субстанціи, а духъ, какъ чувствующей и мыслящей субстанціи, и считаетъ ихъ основными атрибутами или свойствами всеобъемлющей божественной сущности, въ современномъ представленіи даетъ естествознанію широкое, и, какъ склонны думать наиболѣе ревностные его представители, неограниченное приложеніе, оставляя въ концѣ концовъ одну задачу, одну міровую загадку, задачу субстанціи.

Въ этомъ отличіе чистаго монизма отъ болѣе односторонняго теоретическаго матеріализма, отрицающаго духъ и разлагающаго міръ на сумму мертвыхъ атомовъ, равно какъ и отъ теоретическаго спиритуализма, который отрицаетъ матерію и рассматриваетъ міръ, какъ пространственно расположенную групу энергій или нематеріальныхъ силъ природы.

Сведеніе всѣхъ основныхъ конечныхъ вопросовъ къ одному вопросу о субстанціи конечно не является доказаннымъ съ механической точки зрѣнія, но для монистическаго міровоззрѣнія оно кажется возможнымъ.

Изъ семи міровыхъ загадокъ Дюбуа-Реймонъ самъ признаетъ неразрѣшимыми совершенно только три: 1) о сущности матеріи и силы, 2) о началѣ движенія и 3) о возникновеніи простаго чувственнаго ощущенія и сознанія. Вторая изъ этихъ загадокъ въ сущности заключаются въ первой, такъ какъ нельзя представить матерію въ безусловномъ покоѣ. Другія три загадки: 1) о началѣ жизни, 2) о цѣлесообразности въ природѣ, 3) о разумномъ мышленіи и происхожденіи языка — кажутся ему трудными, но разрѣшимыми; о седьмой, послѣдней загадкѣ о свободѣ воли онъ не высказывается рѣшительно.

Въ сущности вопросъ о свободѣ воли можетъ быть поставленъ въ тѣсную связь съ вопросомъ о сознаніи, второй границей познанія Дюбуа-Реймона. По его выраженію, если бы сознаніе можно было объяснить механически, не было бы метафизики, все неизвѣстное объяснялось бы механикой; но съ другой стороны въ механическомъ представленіи нѣтъ мѣста для свободы воли.

Для реальнаго монизма загадка сознанія не болѣе, какъ физиологическая проблема, и если всѣ другія загадки, кромѣ первой о сущности матеріи и силы, даже въ скептическомъ сознаніи Дюбуа-Реймона не являются безусловно трансцендентными, т. е. неразрѣшимыми съ механической точки зрѣнія, то понятно и его признаніе въ сущности единственной — міровой проблемы и его отмѣняющее *Ignorabimus* — *Dubitemus*.

Итакъ, слѣдовательно, конечной проблемой, полагающей предѣлъ нашему познанію, будетъ съ монистической точки зрѣнія проблема субстанціи, гдѣ мы сталкиваемся съ вопросомъ: что такое матерія сама по себѣ, и что такое все существующее по существу своему, это „Ding an sich“ нѣмецкихъ философовъ. Вотъ гдѣ является на сцену необходимость приложеніи теоріи познанія, которое такъ ревностно рекомендуется неовиталистами.

Но правъ ли натуралистъ, представитель положительнаго знанія, довѣряющій больше факту, чѣмъ уму, исходящій въ всѣхъ своихъ изысканіяхъ изъ наблюденія и опыта, примѣняя къ послѣднимъ спекулятивный методъ, который съ этой стороны уже исторически показалъ свою несостоятельность? Теорія познанія, равно какъ ученіе о свободѣ воли, принадлежатъ области метафизики, могутъ быть рѣшаемы пока только путемъ отвлеченнаго мышленія, и попытки сочетать ихъ съ механическими построеніями естествознанія чисто внѣшнимъ образомъ ведутъ, какъ мы видѣли, только къ безысходнымъ противорѣчіямъ.

То противопоставленіе между міромъ самимъ по себѣ (an sich) и міромъ въ нашемъ представленіи, которое истекаетъ изъ ученія Канта и Шопенгауэра, для естествоиспытателя не должно имѣть значенія. Міръ существуетъ самъ по себѣ — и потому мы имѣемъ о немъ представленіе. Для философа міръ внѣ нашего представленія можетъ не существовать, и такое отвлеченіе можетъ быть ему полезнымъ въ его сопоставленіяхъ и выводахъ; естествоиспытателю же нечего дѣлать съ воображаемымъ міромъ, и если онъ думаетъ, что можетъ изучать его путемъ опыта и наблюденія, то онъ несомнѣнно теряетъ подъ ногами почву; онъ можетъ изучать только то, что дѣйствительно существуетъ. Понять же изъ этого онъ люка можетъ только то, что можно объяснить физическо-химически.

Этимъ опредѣляется научный объѣмъ и задачи современнаго естествознанія.

Говорить ли это зато, чтобы естествоиспытатель отказался отъ философскихъ упражненій и отвлеченному мышле-

нію противупоставилъ свой положительный багажъ? Никоимъ образомъ. Онъ только не долженъ въ основу своихъ положительныхъ изысканій полагать приемы отвлеченнаго мышленія. Философскій элементъ безусловно необходимъ положительному знанію и всегда игралъ въ немъ большую роль въ видѣ научныхъ гипотезъ, т. е. отвлеченныхъ построеній, опирающихся на данныя опыта и наблюденія, выполняющихъ недостатка знанія и объединяющихъ его элементы. Исторія науки говоритъ, что это единственная форма допустимаго сочетанія отвлеченнаго мышленія съ положительнымъ знаніемъ, форма, обязующая одинаково и то, и другое къ самостоятельному развитію.

Гипотеза, хорошо обоснованная и подкрѣпляемая очевидностію, стойка, но она не есть догма, и сомнѣнія въ полной ея достовѣрности обязательно, ибо скептицизмъ есть требованіе критерія истины — *Dubitemus!*

Наука должна двигаться впередъ своимъ путемъ. Если же она перестаетъ удовлетворять основнымъ запросамъ, нужно разработать тѣ элементы, которые вызываютъ затрудненіе. Въ нашемъ случаѣ такимъ затрудненіемъ является теорія познія, но она не принадлежитъ положительной наукѣ; современные методы ея разработки чужды ей, и чтобы сказать здѣсь свое слово естествоиспытатель долженъ стать метафизикомъ. Вернувшись однако въ область точнаго знанія, онъ можетъ прилагать отвлеченные выводы лишь постольку, поскольку они находятъ опору въ реальной сущности.

Положительная наука теперь не въ состояніи упразднить метафизическихъ вопросовъ и вынуждена дѣлать въ этой области позаимствованія. Не будемъ поэтому оспаривать, что компетенція метафизики больше, такъ какъ она рѣшаетъ болѣе важные вопросы.

Но если область вопросовъ положительнаго знанія намъ кажется ограниченной, то содержаніе его растеть безпредѣльно, и никто не можетъ сказать, что мы узнаемъ завтра. Попытки указать предѣлы уснѣхамъ положительнаго знанія въ той или другой области до сихъ поръ не были удачны.

Не нужно забывать, слѣдовательно, что циклъ его развитія не законченъ, и никто не въ правѣ предъявлять къ нему требованій, чтобы онъ теперь же далъ отвѣты па роковые вопросы. Упрекъ, дѣлаемый механизму съ той стороны, что до сихъ поръ онъ не далъ удовлетворительнаго объясненія ни одному жизненному процессу, еще не даетъ права утверждать, что когда нибудь такое объясненіе не будетъ получено. Въдъ витализмъ (телеологія) въ этомъ отношеніи также ничего не далъ, тогда какъ заслуги механическаго метода въ смыслѣ расширенія сферы знанія — неоспоримы. Ошибки механистовъ чаще всего происходили отъ того, что задача представлялась въ слишкомъ упрощенномъ видѣ, и выводамъ придавались преувеличенныя и преждевременныя толкованія. Если мы въ искусственной пѣнкѣ видимъ строеніе, подобному тому, которое наблюдается въ протоплазмѣ, то это не значитъ, чтобы былъ уже раскрытъ секретъ строенія протоплазмы; но въ тоже время нельзя отрицать, что этимъ фактомъ мы приблизились къ познанію тѣхъ условій, при которыхъ дѣйствительное строеніе протоплазмы осуществляется. Не будемъ же спѣшить въ выводахъ и не будемъ отчаиваться въ отдаленномъ успѣхѣ!

Заслуги положительнаго метода, несмотря на его догматическое отношеніе къ вопросамъ познанія, будутъ признаны и вновь возрождающейся идеалистической философией, отраженіе которой въ естествознаніи мы можемъ видѣть въ неовитализмѣ.

Заслуга этого новаго философскаго направленія заключается уже въ томъ, что оно стремится отстоять разнообразіе запросовъ человѣческаго духа, для котораго наука есть лишь одна изъ сферъ проявленія, что, приходя въ тѣсное соприкосновеніе съ сложными вопросами жизни, оно выдвигаетъ проблему о нравственномъ идеалѣ, о необходимости удовлетвореній религіознаго чувства.

Одинъ изъ видовъ этого направленія, теистическій идеализмъ Роджерса, для естествоиспытателя представляется особенно заслуживающимъ вниманія по большому

числу точекъ соприкосновеніе съ реальнымъ монизмомъ Геккеля.

Особенность теистическаго идеализма заключается въ томъ, что онъ понимаетъ основную реальность вселенной по аналогіи съ жизнью сознанія, не субъективнаго только, а сознанія міроваго. Этимъ удерживается отдѣльная реальность вещей и ихъ познаваемость. Міръ реаленъ, и ощущенія въ дѣйствительности отражаютъ въ себѣ реальность, лежащую по ту сторону ихъ; но онъ не есть непостижимый міръ матеріи, оторванной отъ духа; онъ существуетъ по стольку, поскольку представляетъ собой какъ бы остовъ жизни божественнаго сознанія; поэтому нѣтъ основанія отличать его отъ Бога и разсматривать отдѣльно. Міръ является такимъ образомъ единствомъ сознательной цѣли, понятіе которой управляетъ всѣмъ комплексомъ сознанія и включаетъ въ себѣ динамическій процессъ міроваго развитія. Реальность не есть статическое бытіе; она—сознательная активность, и предметы, а равно и наша индивидуальность, существуютъ лишь постольку, поскольку они входятъ въ этотъ динамическій процессъ.

Достоинства теистическаго идеализма для естествоиспытателя опредѣляются, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ признаетъ реальность міра и устраняетъ такимъ образомъ тѣ противорѣчія, въ которыя впадаетъ естествоиспытатель, становясь на точку зрѣнія субъективнаго идеализма Беркли; онъ имѣетъ монистическій характеръ и устраняетъ допущеніе особаго міра психики, такъ какъ она есть выраженіе высшей реальности, божественнаго сознанія; разсматривая реальность какъ сознательную активность въ динамическомъ состояніи, она даетъ оправданіе всеобщему закону развитія и цѣлесообразности міроваго порядка; міровыя загадки, опредѣляющія границы нашего познанія, онъ сводитъ къ одной конечной — познанія міра, какъ акта божественнаго сознанія.

У реального монизма тоже одна міровая загадка — проблема субстанціи.

Какое поразительное совпаденіе двухъ мировоззрѣній,

выработанныхъ столь различными путями, но и какая разница въ формѣ, объемѣ и содержаніи конечной цѣли!

Не доказываетъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ вышесказанное, что потребность знанія, отвлеченнаго мышленія и вѣры не исключаютъ другъ друга, и что наука, метафизика и религія имѣютъ право на самобытное и свободное развитіе?

Удовлетворяя различнымъ сторонамъ потребностей человѣческаго духа, онѣ разными путями ведутъ къ познанію основной реальности, сознательной активности, божественнаго Единства.

Возможность единенія ихъ въ конечной цѣли для насъ далека, но сближеніе ихъ уже рисуется намъ въ предразсвѣтной зарѣ всеобъединяющаго сознанія и указываетъ человѣчеству идеальный путь дальнѣйшаго прогресса.

Мы мало знаемъ въ смыслѣ рѣшенія конечныхъ проблемъ.-- **Ignoramus!**

Но мы съ каждымъ шагомъ увеличиваемъ сферу вліянія научнаго метода и можно думать, что въ концѣ концовъ ни одно явленіе въ мірѣ не останется внѣ вліянія универсальнаго закона. — **Non ignorabimus!**

Будемъ помнить однакоже, что средства познанія у насъ несовершенны и что наше сознаніе только часть той разумности, которая опредѣляетъ законы міра. Не будемъ же считать научныя пріобрѣтенія во временномъ освѣщеніи отвлеченной мысли за непреложныя истины! -- **Dubitemus!**

Будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ надѣяться, что самобытное и свободное развитіе всѣхъ сторонъ человѣческаго духа приведетъ къ конечному идеалу, —къ сознанію единенія съ Тѣмъ, Кто былъ началомъ всему и вселилъ въ насъ неизгладимую потребность вѣры!

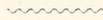
* * *

Настоящая рѣчь явилась при условіяхъ заранѣе непредвидѣнной и срочной работы. Авторъ вполне сознаетъ ея неравномѣрность и неполноту обработки съ литературной стороны. Однако же, несмотря на это, основная мысль казалась своевременной, почему и сочтено было возможнымъ выпустить ее въ настоящемъ видѣ. Можетъ быть въ послѣдствіи удастся исправить и пополнить наличные недостатки.

Списокъ литературы стоитъ исключительно въ связи съ ходомъ изложенія и съ именами упоминаемыхъ авторовъ. По свойству самого произведенія ссылки въ текстѣ были неудобны, а для того чтобы снабдить литературный списокъ критическими примѣчаніями, какъ это было-бы въ данномъ случаѣ умѣстно, у автора уже не было времени.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

- E. du Bois-Reymond. Ueber die Grenzen d. Naturerkenntn.
Reden. Erste Folge. 1886.
- „ „ „ Ueber die Lebenskraft. Reden. Zweite Folge.
- E. Haeckel. Natürliche Schöpfungsgeschichte. 2 Theile 1902.
- „ „ Die Welträthsel. Gemeinschaftliche Studien über moni-
stische Philosophie 9 Aufl. 1899.
- Коржинскій. Что такое жизнь? Вступительная лекція, читанная въ
Томскомъ Университетѣ въ 1888. Цитирована по Фа-
минцыну.
- И. П. Бородинъ. Протоплазма и витализъ. „Мірѣ Божій“. Май
1894.
- G. Bunge. Lehrbuch der physiologischen und pathologischen Chemie.
1889.
- M. Verworn. Allgemeine Physiologie. 3-e Aufl. 1901.
- „ „ Die Biogenhypothese, 1903.
- А. Фаминцынъ. Современное естествознание и психологія. „Мірѣ
Божій“ № 1—7. 1898.
- П. Митрофановъ. О наслѣдственности у животныхъ. Актовая рѣчь.
Варш. Унив. Изв. VI, 1889.
- H. Driesch. Lokalisation morphogenetischer Vorgänge. Ein Beweis
vitalistischer Geschehns. Archiv für Entwicklungsmecha-
nik. Bel. VIII. 1899.
- „ „ Resultate und Probleme der Entwicklungsphysiologie der
Thiere. Merkel's und Bonnet's Ergebnisse der
Anat. und Entwickl. Bd. VIII, 1899.
- O. Bütschli. Mechanismus und Vitalismus. 1901.
- И. Ф. Огневъ. Витализмъ въ современномъ естествознаніи. 1900.
- G. Wolff. Mechanismus und Vitalismus. 1902.
- W. Ostwald. Vorlesungen über Naturphilosophie. 1902.

- С. М. Лукьяновъ. Позитивная биологія О. Конта и философія.
„Вопросы философіи и психологіи“. Мартъ —
Апрѣль. 1898.
- Проблемы идеализма, сборникъ статей С. Н. Булгакова, кн.
С. Н. Трубецкаго и др., подъ редак-
ціей П. И. Новгородцева. 1903.
- А. Роджерсъ. Краткое введеніе въ исторію новой философіи, пер.
С. Зелинскаго. 1903.

